

Cnu

КОЛДУН ИГНАТ И ЛЮДИ

4 мая 1912 года к колдуну Игнату пришел в гости протоиерей Арсеникум. Пока Игнат хлопотал с самоваром и доставал пряники, гость сморкался у вешалки, долго снимал калоши, крестился и вздыхал. Потом он сел на краешек табурета, достал из-под рясы папку красного картона, раскрыл и развязно сказал Игнату:

— Глянь-ка, чего я понаписал!

— Интересно, — сказал Игнат, беря первый лист, — вслух читать?

— Что ты! — испуганно зашипел протоиерей. — Про себя!

Игнат стал читать:

ОТКРОВЕНИЕ СВ. ФЕОКТИСТА

«Люди! — сказал св. Феоктист, потрясая узловатым посохом. — Христос явился мне, истинно так. Он велел пойти к вам и извиниться. Ничего не вышло».

— Ха-ха-ха! — засмеялся Игнат, а сам подумал: «Неспроста это». Но виду не подал.

— А есть еще? — спросил он вместо этого.

— Ага!

Протоиерей дал Игнату новый листок и тот прочел:

КАК МИХАИЛ ИВАНЫЧ С УМА СОШЕЛ И УМЕР

«Куда бы я ни пошел, — подумал Михаил Иванович, с удивлением садясь на диван, — везде обязательно оказывается хоть один сумасшедший. Но вот наконец я в одиночестве...»

«Да и потом, — продолжал Михаил Иванович, с удивлением поворачиваясь к окну, — где бы я ни оказался, везде обязательно присутствовал хоть один мертвец. Но вот я один, слава богу...»

«Настало время, — сказал себе Михаил Иванович, с удивлением открывая ставень, — подумать о главном...»

«Нет, точно, неспроста это», — решил Игнат, но виду опять не подал и вместо этого сказал:

— Интересно. Только не очень понятна главная мысль.

— Очень просто, — ответил протоиерей, нахально подмигивая, — дело в том, что смерти предшествует короткое помешательство. Ведь идея смерти непереносима.

«Нет, — подумал Игнат, — что-то он определенно крутит».

— А вот еще, — весело сказал протоиерей, и Игнат прочел:

РАССКАЗ О ТАРАКАНЕ ЖУ

Таракан Жу несгибаемо движется навстречу смерти. Вот лежит яд. Нужно остановиться и повернуть в сторону.

«Успел. Смерть впереди», — отмечает таракан Жу.

Вот льется кипяток. Нужно увернуться и убежать под стол.

«Успел. Смерть впереди», — отмечает таракан Жу.

Вот в небе появляется каблук и, вырастая, несется к земле. Увернуться уже нельзя.

«Смерть», — отмечает таракан Жу.

Игнат поднял голову. Вошли какие-то мужики в овчинах, пряча за спины ржавые большие топоры.

— Дверь отпер... Понятно. То-то я думал — долго ты раздеваешься, — сказал Игнат.

Протоиерей с достоинством расправил бороду.

— Чего вам надо, а? — строго спросил Игнат мужиков.

— Вот, — стесняясь и переминаясь с ноги на ногу, отвечали мужики, — убить тебя думаем. Всем миром решили. Мир всегда колдунов убивает.

«Мир, мир... — с грустью подумал Игнат, растворяясь в воздухе, — мир сам давно убит своими собственными колдунами».

— Тьфу ты, — сплюнул протоиерей и перекрестился. — Опять не вышло...

— Так-то разве убьешь, — сказал кто-то из мужиков, сморкаясь в рукав. — Икону надоть.

СПИ

В самом начале третьего семестра, на одной из лекций по эм-эл философии Никита Сонечкин сделал одно удивительное открытие.

Дело было в том, что с некоторых пор с ним творилось непонятное: стоило маленькому ушастому доценту, похожему на одолеваемого кощунственными мыслями попаика, войти в аудиторию, как Никиту начинало смертельно клонить в сон. А когда доцент принимался говорить и показывать пальцем в люстру, Никита уже ничего не мог с собой поделаться — он засыпал. Ему чудилось, что лектор говорит не о философии, а о чем-то из детства: о каких-то чердаках, песочницах и горящих помойках; потом ручка в Никитиных пальцах забиралась по диагонали в самый верх листа, оставив за собой неразборчивую фразу; наконец он клевал носом и проваливался в черноту, откуда через секунду-другую выныривал, чтобы вскоре все повторилось в той же самой последовательности. Его конспекты выглядели странно и были непригодны для занятий: короткие абзацы текста пересекались длинными косыми предложениями, где шла речь то о космонавтах-невозвращенцах, то о рабочем визите монгольского хана, а почерк становился мелким и прыгающим.

Сначала Никита очень расстраивался из-за своей неспособности нормально высидеть лекцию, а потом задумался: неужели это происходит только с ним? Он стал приглядываться к остальным студентам, и здесь-то его и ждало открытие.

Оказалось, что спят вокруг почти все, но делают это гораздо умнее, чем он, — уперев лоб в раскрытую ладонь, так что лицо оказывалось спрятанным. Кисть пра-

вой руки при этом скрывалась за локтем левой, и разобрать, пишет сидящий или нет, было нельзя. Никита попробовал принять это положение и обнаружил, что сразу же изменилось качество его сна. Если раньше он рывками перемещался от полной отключенности до перепуганного бодрствования, то теперь эти два состояния соединились — он засыпал, но не окончательно, не до черноты, и то, что с ним происходило, напоминало утреннюю дрему, когда любая мысль без труда превращается в движущуюся цветную картинку, следя за которой можно одновременно дожидаться звонка переведенного на час вперед будильника.

Выяснилось, что в этом новом состоянии даже удобнее записывать лекции — надо было просто позволить руке двигаться самой, добившись, чтобы бормотание лектора скатывалось от уха прямо к пальцам, ни в коем случае не попадая в мозг, — в противном случае Никита или просыпался, или, наоборот, засыпал еще глубже, до полной потери представления о происходящем. Постепенно, балансируя между этими двумя состояниями, он так освоился во сне, что научился уделять одновременно нескольким предметам внимание той крохотной части своего сознания, которая отвечала за связи с внешним миром. Он мог, например, видеть сон, где действие происходило в женской бане (довольно частое и странное видение, поражавшее целым рядом нелепостей: на бревенчатых стенах висели рукописные плакаты со стихами, призывавшими беречь хлеб, а кряжистые русоволосые бабы со ржавыми шайками в руках носили короткие балетные юбочки из перьев), и одновременно с этим мог не только следить за потеком яичного желтка на лекторском галстуке, но и выслушивать анекдот про трех грузин в космосе, который постоянно рассказывал сосед.

Просыпаясь после философии, Никита в первые дни не мог нарадоваться своим новым возможностям, но самодовольство улетучилось, когда он понял, что может пока только слушать и писать во сне, а ведь тот, кто в это время рассказывал ему анекдот, тоже спал! Это было ясно по особому маслянистому блеску глаз, по общему поло-

жению туловища и по целому ряду мелких, но несомненных деталей. И вот, уснув на одной из лекций, Никита попробовал рассказать анекдот в ответ — специально выбрал самый простой и короткий, про международный конкурс скрипачей в Париже. У него почти получилось, только в самом конце он сбился и заговорил о мазуте Днепропетровска вместо маузера Дзержинского. Но собеседник ничего не заметил и басовито хохотнул, когда за последним сказанным Никитой словом истекли три секунды тишины и стало ясно, что анекдот закончен.

Больше всего Никиту удивляла та глубина и вязкость, которые при разговоре во сне приобретал его голос. Но обращать на это слишком большое внимание было опасно — начиналось пробуждение.

Говорить во сне было трудно, но возможно, а до каких пределов могло в этом дойти человеческое мастерство, показывал пример лектора. Никита никогда бы не догадался, что тот тоже спит, если бы не заметил, что лектор, имевший привычку плотно прислоняться к высокой кафедре, время от времени переворачивается на другой бок, оказываясь к аудитории спиной и лицом к доске (чтобы оправдать невежливое положение своего туловища, он вяло взмахивал рукой в направлении пронумерованных белых предпосылок). Иногда лектор поворачивался на спину; тогда его речь замедлялась, а высказывания становились либеральными до радостного испуга — но основную часть курса он читал на правом боку.

Скоро Никита понял, что спать удобно не только на лекциях, но и на семинарах, и постепенно у него стали выходить некоторые несложные действия — так, он мог, не просыпаясь, встать, приветствуя преподавателя, мог выйти к доске и стереть написанное или даже поискать в соседних аудиториях мел. Когда его вызывали, он сперва просыпался, пугался и начинал блуждать в словах и понятиях, одновременно восхищаясь неподражаемым умением спящего преподавателя морщиться, кашлять и постукивать рукой по столу не только держа глаза открытыми, но и придавая им подобие выражения.

Первый раз ответить во сне получилось у Никиты неожиданно и без всякой подготовки — просто он краем сознания заметил, что пересказывает какие-то «основные понятия» и одновременно находится на верхней площадке высокой колокольни, где играет маленький духовой оркестр под управлением любви, оказавшейся маленькой желтоволосой старушкой с обезьяньими ухватками. Никита получил пятерку и с тех пор даже конспекты первоисточников вел не просыпаясь и приходя в бодрствующее состояние только для того, чтобы выйти из читального зала. Но мало-помалу его мастерство росло, и к концу второго курса он уже засыпал, входя утром в метро, а просыпался, выходя с той же станции вечером.

Но кое-что стало его пугать. Он заметил, что все чаще засыпает неожиданно, не отдавая себе в этом отчета. Только проснувшись, он понимал, что, например, приезд к ним в институт товарища Луначарского на тройке воронных с бубенцами — не часть идеологической программы, посвященной трехсотлетию первой русской балалайки (к этой дате готовилась в те дни вся страна), а обычное сновидение. Было много путаницы, и, чтобы иметь возможность в любой момент выяснить, спит ли он или нет, Никита стал носить в кармане маленькую булавку с зеленой горошиной на конце; когда у него возникали сомнения, он колотил себя в ляжку, и все выяснялось. Правда, появился новый страх, что ему может просто сниться, будто он колотит себя булавкой, но эту мысль Никита отогнал как невыносимую.

Отношения с товарищами по институту у него заметно улучшились — комсорг Сережа Фирсов, который мог во сне выпить одиннадцать кружек пива подряд, признался, что раньше все считали Никиту психом или, во всяком случае, человеком со странностями, но вот наконец выяснилось, что он вполне свой. Сережа хотел добавить что-то еще, но у него заплелся язык, и он неожиданно стал говорить о сравнительных шансах Спартака и Салавата Юлаева в этом году, из чего Никита, которому в этот момент снилась Курская битва, понял, что приятель видит что-то римско-пугачевское и крайне запутанное.

Постепенно Никиту перестало удивлять, что спящие пассажиры метро ухитряются переругиваться, наступать друг другу на ноги и удерживать на весу тяжелые сумки, набитые рулонами туалетной бумаги и консервами из морской капусты, — всему этому он научился сам. Поразительным было другое. Многие из пассажиров, пробравшись к пустому месту на сиденье, немедленно роняли голову на грудь и засыпали — не так, как спали за минуту до этого, а глубже, полностью отъединя себя от всего вокруг. Но, услышав сквозь сон название своей станции, они никогда не просыпались окончательно, а с потрясающей меткостью попадали в то самое состояние, из которого перед этим ныряли во временное небытие. Первый раз Никита заметил это, когда сидевший перед ним мужик в синем халате, храпевший на весь вагон, вдруг дернул головой, заложил проездным раскрытую на коленях книгу, закрыл глаза и погрузился в неподвижное неорганическое оцепенение; через некоторое время вагон сильно тряхнуло, и мужик, еще раз дернув головой, захрапел опять. То же самое, как догадался Никита, происходило и с остальными, даже если они не храпели.

Дома он стал внимательно приглядываться к родителям и скоро заметил, что никак не может застать их в бодрствующем состоянии — они спали все время. Один только раз отец, сидя в кресле, откинул голову и увидел кошмар: завопил, замахал руками, вскочил и проснулся — это Никита понял по выражению его лица, — но тут же выругался, заснул опять и сел ближе к телевизору, где как раз синим цветом мерцало какое-то историческое совместное засыпание.

В другой раз мать уронила себе на ногу утюг, сильно ушиблась и обожглась и так жалобно всхлипывала во сне до приезда бригады «Скорой помощи», что Никита, не в силах вынести этого, заснул сам и проснулся только вечером, когда мать уже мирно клевала носом над «Одним днем Ивана Денисовича». Книгу принес заглянувший на запах бинтов и крови сосед, старик антрополог Максимка, с детства напоминавший Никите опустившегося библейского патриарха. Максимка, изредка посещаемый кем-нибудь из многочисленных уголовных

внуков, тихо досыпал свой век в обществе нескольких умных котов да темной иконы, с которой он шепотом переругивался каждое утро.

После случая с утюгом начался новый этап Никитиных отношений с родителями. Оказалось, что все скандалы и непонимания ничего не стоит предотвратить, если засыпать в самом начале беседы. Однажды они с отцом долго обсуждали положение в стране; во время разговора Никита ерзал на стуле и вздрагивал, потому что ухмыляющийся Сенкевич, привязав его к мачте папирусной лодки, что-то говорил на ухо худому и злому Туру Хейердалу; лодка затерялась где-то в Атлантике, и Хейердал с Сенкевичем, не скрываясь, ходили в черных масонских шапочках.

— Умнеешь, — сказал отец, одним глазом глядя в потолок, а другим на тумбочку для морской капусты, — только непонятно, кто тебе эту чушь наплел насчет шапочек. У них фартуки, длинные такие. — Отец показал руками.

Вообще выяснилось: к какому бы роду человеческой деятельности ни пытался приспособить себя Никита, трудности существовали только до того момента, когда он засыпал, а потом, без всякого участия со своей стороны, он делал все необходимое, да так хорошо, что, проснувшись, удивлялся. Это относилось не только к институту, но и к свободным часам, бывшим до этого довольно мучительными из-за своей бессмысленной протяженности. Во сне Никита проглотил многие из книг, никак не поддававшихся до этого расшифровке, и даже научился читать газеты, чем окончательно успокоил родителей, нередко до этого с горечью шептавшихся по его поводу.

— У тебя прямо какое-то возрождение к жизни! — говорила ему мать, любившая торжественные обороты. Обычно эта фраза произносилась на кухне, во время приготовления борща. В кастрюлю упала свекла, и Никите начинало сниться что-то из Мелвилла. В открытое окно влетал запах жареной морской капусты и коровье мычание валторн; музыка стихала, и радиоголос говорил:

— Сегодня в девятнадцать часов предлагаем вашему вниманию концерт мастеров искусств, являющийся как

бы заключительным аккордом в торжественной симфонии, посвященной трехсотлетию первой русской балалайки!

Вечером семья собиралась у синего окна во вселенную. У Никитиных родителей была любимая семейная передача: «Камера смотрит в мир». Отец по-домашнему выходил к ней в своей полосатой серой пижаме и сворачивался в кресле; из кухни с тарелкой в руке подтягивалась мать, и они часами замороженно поворачивали полуприкрытые глаза за плывущими по экрану пейзажами.

— Если вы хотите отведать свежих бананов и запить их кокосовым молоком, — говорил телевизор, — если вы хотите насладиться шумом прибоем, теплым золотым песком и нежными лучами солнца, то...

Тут телевидение делало интригующую паузу.

— ...то это значит, что вы хотите побывать в бананово-лимоновом Сингапуре.

Никита посапывал рядом с родителями. Иногда до него долетало преломленное мутной призмой сна название передачи, и содержание сновидения задавалось экраном. Так, во время программы «Наш сад» Никите несколько раз привиделся основатель популярного полового извращения; на французском маркизе был клюквенный стрелецкий кафтан с золотыми галунами, и он звал с собой в какое-то женское общежитие. А иногда все смешивалось в полную неразбериху, и архимандрит Юлиан, непременный участник любого уважающего себя «круглого стола», выглядывал из длинного «ЗИЛа» с мигалкой и говорил:

— До встречи в эфире!

При этом он испуганно тыкал пальцем вверх, в небесную пустоту, где одиноко стояла красная точка Антареса из передачи об Иване Бунине. Кто-нибудь из родителей переключал программу, Никита чуть приоткрывал глаза и видел на экране майора в голубом берете, стоящего в жарком горном ущелье. «Смерть? — улыбался майор. — Она страшна только сначала, в первые дни. По сути, служба здесь стала для нас хорошей школой — мы учили духов, духи учили нас...»

Щелкал выключатель, и Никита отправлялся в свою комнату спать под одеялом на кровати. Утром, услышав шаги в коридоре или звон будильника, он осторожно приоткрывал глаза, некоторое время привыкал к дневному свету, вставал и шел в ванную, где в его голову обычно приходили разные мысли и ночной сон уступал место первому из дневных.

«Как же все-таки одинок человек, — думал он, ворочая во рту зубной щеткой. — Ведь я даже не знаю, что снится моим родителям, или прохожим на улицах, или дедушке Максиму. Хоть бы спросить кого, почему мы все спим».

И тут же он пугался, понимая, насколько эта тема невозможна для обсуждения. Ведь даже самые бесстыдные из книг, какие прочел Никита, ни словом об этом не упоминали; точно так же никто при нем не говорил об этом вслух. Никита догадывался, в чем дело, — это была не просто одна из недомолвок, а своеобразный шарнир, на котором поворачивались жизни людей, и если кто-то даже и кричал, что надо говорить всю как есть правду, то делал это не потому, что очень уж ненавидел недомолвки, а потому, что к этому его вынуждала главная недомолвка существования. Однажды, стоя в медленной очереди за морской капустой, заполнившей пол-универсама, Никита увидел даже особый сон на эту тему.

Он находился в каком-то сводчатом коридоре, потолок которого был украшен лепными виноградными кистями и курносими женскими профилями, а по полу шла красная ковровая дорожка. Никита пошел по коридору, несколько раз повернул и вдруг оказался в аппендиксе, кончающемся закрашенным окном; одна из дверей короткого коридорного тупика открылась, оттуда выглянул пухлый мужчина в темном костюме и, сделав счастливые глаза, поманил Никиту рукой. Никита вошел.

В центре комнаты за большим круглым столом сидели человек десять-пятнадцать, все в костюмах, с галстуками, и все довольно похожие друг на друга — лысоватые, пожилые, с тенью одной какой-то невыразимой думы на лицах. На Никиту не обратили внимания.

— Ни тени сомнения! — говорил выступающий. —
Надо сказать всю правду. Люди устали.

— А почему бы и нет? Конечно! — отозвались несколько бодрых голосов, и заговорили все сразу; началась неразбериха, шум, пока тот, кто говорил в самом начале, не хлопнул изо всех сил по столу папкой с надписью «ВРПО Дальрыба» (надпись, как сообразил Никита, была на самом деле вовсе не на папке, а на банке морской капусты из другого сна). Удар пришелся всей плоскостью, и звук вышел тихим, но очень долгим и увесистым, похожим на звон колокола с глушителем. Все стихло.

— Понятно, — вновь заговорил хлопнувший, — надо сначала выяснить, что из всего этого выйдет. Попробуем составить комиссию, скажем, в составе трех человек.

— Зачем? — спросила девушка в белом халате.

Никита понял, что она здесь из-за него, и протянул ей деньги за свои пять банок. Девушка издала ртом звук, похожий на трещащее жужжание кассового аппарата, но на Никиту даже не поглядела.

— А затем, — ответил ей мужчина, хоть Никита уже миновал кассу и шел теперь к дверям универсама, — затем, что те, кто войдет в эту комиссию, сначала попробуют сказать всю-всю правду друг другу.

Очень быстро договорились насчет членов комиссии — ими стали сам оратор и двое мужчин в синих тройках и роговых очках, похожие как родные братья: даже перхоти у обоих было больше на левом плече. (Разумеется, Никита отлично знал, что и перхоть на плечах, и простонародный выговор некоторых слов не настоящие и являются просто проявлениями принятой в таких снах эстетики.) Остальные вышли в коридор, где светило солнце, дул ветер и гудели машины, и, пока Никита спускался в подземный переход, дверь в комнату заперли, а чтоб никто не подглядывал, замочную скважину замазали икрой с бутерброда.

Стали ждать. Никита миновал памятник противотанковой пушке, магазин «Табак» и дошел уже до огромной матерной надписи на стене панельного Дворца бракосочетаний — это значило, что до дома еще пять минут

ходьбы, — когда из комнаты, откуда все это время доносились тихие неразборчивые голоса, вдруг послышалось какое-то бульканье и треск, вслед за чем наступила полная тишина. Вся правда, видимо, была сказана, и кто-то постучал в дверь.

— Товарищи! Как дела?

Ответа не было. В маленькой толкучке у дверей начали переглядываться, и какой-то загорелый, европейского вида мужчина по ошибке переглянулся с Никитой, но сразу же отвел глаза и раздраженно что-то пробормотал.

— Ломаем! — решили наконец в коридоре.

Дверь вылетела с пятого или с шестого удара, как раз когда Никита входил в свой подъезд, после чего он вместе с ломавшими дверь очутился в совершенно пустой комнате, на полу которой расплзлась большая лужа. Никита сперва решил, что это лужа, которую он видел в лифте, но, сравнивая их контуры, убедился, что это не так. Хотя длинные языки мочи еще ползли к стенам, ни под столом, ни за шторами никого не было, а на стульях горбились и обвисали три пустых, обгорелых изнутри костюма. Возле ножки опрокинутого стула блестели треснутые роговые очки.

— Вот она, правда, — прошептал кто-то за спиной.

Сон, уже порядком надоевший, никак не кончался, и Никита полез в карман за булавкой. Как назло, ее там не было. Войдя в свою квартиру, он швырнул на пол сумку с консервными банками, открыл шкаф и стал шарить по карманам всех висящих там штанов. Тем временем все вышли из комнаты в коридор и стали тревожно шептаться; опять загорелый тип чуть было не шепнул что-то Никите, но вовремя остановился. Решили, что надо срочно куда-то звонить, и загорелый, которому это было доверено, уже двинулся к телефону, как вдруг все взорвались ликующими криками — впереди, в коридоре, показались исчезнувшие трое. Они были в синих спортивных трусах и кроссовках, румяные и бодрые, как из бани.

— Вот так! — закричал, махая рукой, тот, что говорил в самом начале сна. — Это, конечно, шутка, но мы хотели показать некоторым нетерпеливым товарищам...

Со зла Никита уколол себя булавкой несколько раз сильнее, чем требовалось, и что случилось дальше, осталось неизвестным.

Подняв сумку, он отнес ее на кухню и подошел к окну. На улице был летний вечер, шли и весело переговаривались о чем-то люди, гудели машины, и все было так, как если бы любой из прохожих действительно шел сейчас под Никитиными окнами, а не находился в каком-то только ему ведомом измерении. Глядя на крохотные фигурки людей, Никита с тоской думал, что до сих пор не знает ни содержания их сновидений, ни отношения, в котором для них находятся сны и явь, и что ему совсем некому пожаловаться на повторяющийся кошмар или поговорить о снах, которые ему нравятся. Ему вдруг так захотелось пойти на улицу и с кем-нибудь — совершенно не важно с кем — заговорить обо всем этом, что он понял: как ни дик такой замысел, сегодня он именно это и сделает.

Минут через сорок он уже шел от одной из окраинных станций метро по поднимающейся к горизонту пустой улице, похожей на половинку разрезанной надвое липовой аллеи, — там, где должен был расти второй ряд деревьев, проходила широкая асфальтовая дорога. Он приехал сюда потому, что здесь были тихие, почти не посещаемые милицейскими патрулями места. Это было важно — Никита знал, что от спящего милиционера можно убежать только во сне, а адреналин в крови — плохое снотворное. Никита шел вверх, покалывая себе ногу и любуясь огромными, похожими на застывшие фонтаны зеленых чернил липами; он так загляделся на них, что чуть не упустил своего первого клиента.

Это был старичок с несколькими разноцветными значками на ветхом коричневом пиджаке, вышедший, вероятно, на обычный вечерний моцион. Он вышмыгнул из кустов, покосился на Никиту и пошел вверх. Никита догнал его и пошел рядом. Старичок время от времени поднимал руку и с силой проводил оттянутым большим пальцем по воздуху.

— Чего это вы? — помолчав, спросил, Никита.
— Клопы, — отозвался старик.
— Какие клопы? — не понял Никита.
— Обыкновенные, — сказал старик и вздохнул: —
Из верхней квартиры. Тут все стены дырявые.
— Надо дезинсекталем, — сказал Никита.
— Ничего. Я пальцем за ночь больше передавлю,
чем вся твоя химия. Знаешь, как Утесов поет? «Мы вра-
гов...»

Тут он замолчал, и Никита так и не узнал про клопов и Утесова. Несколько метров они прошли в тишине.

— Хряп, — вдруг сказал старик. — Хряп.
— Это клопы лопаются? — догадался Никита.
— Не, — сказал старик и улыбнулся. — Клопы тихо
мрут. А это икра.
— Какая икра?
— А вот поразмысли, — оживился старик, и его гла-
за заблестели хитроватым суворовским маразмом, —
видишь киоск?

На углу и правда стоял запертый киоск «Союзпечати».
— Вижу, — сказал Никита.
— Видишь. Хорошо. А теперь представь, что тут ко-
сая такая будка стоит. И в ней икру продают. Ты такой
икры не видел и не увидишь никогда — каждое зерныш-
ко с виноградину, понял? И вот продавщица, ленивая
такая баба, взвешивает тебе полкило, совком берет из
бочки — и на весы. Так она пока тебе твои полкило по-
ложит, на землю — хряп! — столько же уронит. Понял?

Глаза старика погасли. Он поглядел по сторонам,
плюнул и пошел через улицу, иногда обходя что-то не-
видимое, возможно, лежащие на асфальте его сна кучки
икры.

«Нет, — решил Никита, — надо прямо спрашивать.
Черт знает, кто о чем говорит. А если милицию позовут,
убегу...»

На улице уже было довольно темно. Зажглись фона-
ри, работала из них половина, а из горевших большин-
ство испускало слабое фиолетовое сияние, которое не
столько освещало, сколько окрашивало асфальт и дере-

вья, придавая улице характер строгого загробного пейзажа. Никита сел на скамейку под липами и замер.

Через несколько минут на краю видимой полусферы сумрака появилось что-то поскрипывающее и попискивающее, состоящее из темных и светлых пятен. Оно приближалось, двигаясь с короткими остановками, во время которых раскачивалось взад-вперед, издавая утешительный и фальшивый шепот. Приглядевшись, Никита различил женщину лет тридцати в темной куртке и катящуюся перед ней светлую коляску. Было совершенно ясно, что женщина спит: время от времени она поправляла у головы невидимую подушку, притворяясь, по обычной женской привычке лицемерить даже в одиночестве, что приводит в порядок свои пегие волосы.

Никита поднялся с лавки. Женщина вздрогнула, но не проснулась.

— Простите, — начал Никита, злясь на собственное смущение, — можно задать вам один личный вопрос?

Женщина задрала на лоб выщипанные в ниточку брови и растянула широкие губы к ушам, что, как понял Никита, означало вежливое недоумение.

— Вопрос? — переспросила она низким голосом. — Ну давай.

— Скажите, что вам сейчас снится?

Никита сделал идиотский жест рукой, обводя все вокруг, и окончательно смутился, почувствовав, что в его голосе прозвучала какая-то совершенно неуместная игривость. Женщина засмеялась воркующим голубиным смехом.

— Дурачок, — ласково сказала она, — мне не такие нравятся.

— А какие? — спросил Никита.

— С овчарками, глупыш. С большими овчарками.

«Издевается», — подумал Никита.

— Вы только поймите меня правильно, — сказал он. — Я и сам понимаю, что перехожу, так сказать, границу...

Женщина тихо вскрикнула и, отведя от него глаза, пошла быстрее.

— Понимаете, — волнуясь, продолжал Никита, — я знаю, что об этом нормальные люди не говорят. Может, я ненормальный. Но неужели вам самой никогда не хотелось с кем-нибудь это обсудить?

— Что обсудить? — переспросила женщина, словно пытаясь выиграть время в разговоре с сумасшедшим. Она уже почти бежала, зорко вглядываясь во тьму; коляска подпрыгивала на неровностях асфальта, и внутри что-то тяжело и безмолвно билось в клеенчатые борта.

— Именно это и обсудить, — ответил Никита, переходя на трюсу. — Вот, например, сегодня. Включаю телевизор, а там... Не знаю, что страшнее — зал или президиум. Целый час смотрел и ничего нового не увидел, только, может, пара незнакомых поз. Один в тракторе спит, другой — на орбитальной станции, третий во сне про спорт рассказывает, а эти, которые с трамплина прыгают, тоже все спят. И выходит, что поговорить мне не с кем...

Женщина лихорадочно поправила подушку и перешла на откровенный бег. Никита, стараясь удержать сбиваемое разговором дыхание, побежал рядом — впереди стремительно росла зеленая звезда светофора.

— Вот, например, мы с вами... Слушайте, давайте я вас булавкой уколую! Как я не догадался... Хотите?

Женщина вылетела на перекресток, остановилась, да так резко, что в коляске что-то увесисто сместилось, чуть не прорвав переднюю стенку, а Никита, прежде чем затормозить, пролетел еще несколько метров.

— Помогите! — заорала женщина.

Как нарочно, метрах в пяти на боковой улице стояли двое с повязками на рукавах, в одинаковых белых куртках, делавших их похожими на ангелов. В первый момент они отпрянули назад, но, увидев, что Никита стоит под светофором и не проявляет никакой враждебности, осмелели и медленно приблизились. Один вступил в разговор с женщиной, которая горячо запричитала, махая руками и все время повторяя слова «пристал» и «маньяк», а второй подошел к Никите.

— Гуляешь? — дружелюбно спросил он.

— Типа того, — ответил Никита.

Дружинник был ниже его на голову и носил темные очки. (Никита давно заметил, что многим трудно спать при свете с открытыми глазами.) Дружинник обернулся к напарнику, который сочувственно кивал женщине головой и записывал что-то на бумажку. Наконец женщина выговорилась, победоносно поглядела на Никиту, поправила подушку, развернула свою коляску и двинула ее вверх по улице. Напарник подошел. Это был мужчина лет сорока с густыми усами, в надвинутой на самые уши — чтобы за ночь не растрепалась прическа — кепке и с сумкой на плече.

— Точняк, — сказал он напарнику, — она.

— А я сразу понял, — сказал очкарик и повернулся к Никите: — Тебя как звать?

Никита представился.

— Я Гаврила, — сказал очкарик, — а это Михаил. Ты не пугайся, это местная дура. Нам на инструктаже про нее каждый раз напоминают. Ее в детстве два пограничника изнасиловали, прямо в кинотеатре, во время фильма «Ко мне, Мухтар!». С тех пор она и тронулась. У нее в коляске бюст Дзержинского в пеленках. Она каждый вечер в отделение звонит, жалуется, что ее трахнуть хотят, а сама к собачникам пристаёт, хочет, чтобы на нее овчарку спустили...

— Я заметил, — сказал Никита, — она странная.

— Ну и бог с ней. Ты пить будешь?

Никита подумал.

— Буду, — сказал он.

Устроились на лавке, там же, где за несколько минут до этого сидел, размышляя, Никита. Михаил вынул из сумки бутылку экспортной «Особой московской», брелоком в виде маленького меча отделил латунную пробку от фиксирующего кольца и свинтил ее одним замысловатым движением кисти. Он, видимо, был из тех еще встречающихся на Руси самородков, которые открывают пиво глазницей и ударом крепкой ладони вышибают пробку из бутылки болгарского сушняка сразу наполовину,

так что уже несложно ухватиться крепкими белыми зубами.

«А может, их спросить? — подумал Никита, принимая тяжелый картонный стаканчик и бутерброд с морской капустой. — Хотя страшно. Все-таки двое, а этот Михаил — здоровый...»

Выдохнув воздух, Никита уставился в сложное переплетение теней на асфальте под ногами. С каждой волной теплого вечернего ветра узор менялся: то были ясно видны какие-то рожи и знамена, то вдруг появлялись контуры Южной Америки, то возникали три адидасовские полосы от висящих над деревом проводов, то казалось, что все это просто тени от просвеченной фонарем листвы.

Никита поднес стакан к губам. Призванная представлять страну за рубежом жидкость, решив, видимо, что дело происходит где-то в Западном полушарии, проскользнула внутрь с удивительной мягкостью и тактом.

— Кстати, где это мы сейчас? — спросил Никита.

— Маршрут номер три, — отозвался очкарик Гаврилла, принимая стакан.

— Ну и пенек же ты, — засмеялся Михаил. — Неужто если мент в опорном пункте чего-то там на схеме напишет, так это уже и впрямь будет «маршрут номер три»? Это бульвар Степана Разина.

Гаврилла покачал пустым стаканом, ткнул почему-то пальцем в Никиту и спросил:

— Добьем?

— Ты как? — серьезно спросил Никиту Михаил, подбрасывая на ладони пробку.

— Да мне все равно, — сказал Никита.

— Ну тогда...

Второй круг стакан совершил в тишине.

— Вот и все, — задумчиво сказал Михаил. — Ничего другого людям пока не светит.

Он размахнулся и хотел уже зашвырнуть бутылку в кусты, но Никита успел поймать его за рукав.

— Дай поглядеть, — сказал он.

Михаил отдал ему бутылку, и Никита заметил на его кисти тщательно выполненную татуировку, кажется, всадника, вонзающего копье во что-то под ногами коня, но Михаил сразу спрятал руку в карман, а просить разрешения поглядеть на татуировку было неудобно. Никита уставился на бутылку. Этикетка была такой же, как и на «Особой московской» внутреннего разлива, только надпись была сделана латинскими буквами и с белого поля глядела похожая на глаз эмблема «Союзплодоимпорта» — стилизованный земной шарик с крупными буквами «СПИ».

- Пора, — вдруг сказал Михаил, поглядев на часы.
- Пора, — эхом повторил за ним Гаврила.
- Пора, — зачем-то произнес вслед за ними Никита.
- Надень повязку, — сказал Михаил, — а то капитан развоняется.

Никита полез в карман, вынул мятую повязку и продел в нее руку; тесемки были уже связаны. Слово «Дружинник» было перевернуто, но Никита не стал возиться: все равно, подумал он, ненадолго.

Встав с лавки, он почувствовал, что прилично закошел, и даже испугался на секунду, что это заметят в опорном пункте, но тут же вспомнил, в каком состоянии к концу дежурства был в прошлый раз сам капитан, и успокоился.

Втроем молча дошли до светофора и повернули на боковую улицу, к опорному пункту, до которого было минут десять ходьбы.

То ли дело было в водке, то ли в чем-то другом, но Никита давно не ощущал такой легкости во всем теле — казалось, он не идет, а несется ввысь, в небо, качаясь на воздушных струях.

Михаил и Гаврила шли по бокам, с пьяной строгостью оглядывая улицу. Навстречу время от времени попадались компании. Сначала какие-то легкомысленные девочки, одна из которых подмигнула Никите, потом пара явных уголовников, потом несколько человек, прямо на улице поедавших торт «Птичье молоко», и другие, уже совсем непонятные люди.

«Хорошо, — подумал Никита, — что втроем. А то бы на части разорвали — вон какие хари...»

Думалось с трудом. В голове, как неоновые трубки, весело вспыхивали и гасли слова детской песни о том, что лучше всего на свете шагать вместе по просторам и хором напевать. Смысла слов Никита не понимал, но это его не беспокоило.

В опорном пункте оказалось, что все уже разошлись. Дежурный сказал, что можно было возвращаться еще час назад. Пока Никита на ощупь искал свою сумку в темной комнате, где обычно проводили инструктаж и делили людей по маршрутам, Михаил и Гаврила ушли — им надо было успеть на электричку.

Сдав повязку, Никита тоже сделал вид, что спешит: ему совершенно не хотелось идти к метро вместе с капитаном и говорить о Ельцине. Выйдя на улицу, он почувствовал, что от хорошего настроения ничего не осталось. Подняв ворот, он направился к метро, обдумывая завтрашний день. Заказ с двумя батонами колбасы, звонок в Уренгой, литр водки на праздники (надо было спросить у случайных спутников по дежурству, где они брали «Особую», но теперь уже поздно), забрать Аннушку из садика, потому что жена идет к гинекологу — дура, даже тут у нее что-то не ладится, — в общем, взять у Германа Парменыча отгул на полдня за сегодняшний выход.

Вокруг уже был вагон метро, и беременная баба в упор сверлила глазами из-под низко опущенного платка его лысину; он все глядел в газету, пока сволочи не похлопали по плечу, тогда пришлось встать и уступить, но был уже перегон перед его станцией. Он подошел к дверям и поглядел на свое усталое морщинистое лицо в стекле, за которым неслись переплетенные электрические змеи. Вдруг лицо исчезло, и на его месте появилась черная пустота с далекими огнями: туннель кончился, и поезд взлетел на мост над замерзшей рекой. Стала видна слава советскому человеку на крыше высокого дома, освещенная скрещенными голубыми лучами.

Через минуту поезд опять нырнул в туннель, и в стекле возникли жестикулирующие алкаши, девушка со спицами, довязывающая что-то синее под схемой метрополитена, школьник с бледным лицом, мечтающий над фотографиями из учебника истории, полковник в папаче, непобедимо сжимающий чемодан с номерным замком, и еще были видны выведенные чьим-то пальцем с той стороны стекла печатные буквы «ДА». Потом впереди появилась длинная и пустая улица, занесенная снегом. Что-то кололо ногу. Он достал из кармана неизвестно как там оказавшуюся булавку с зеленой горошиной на конце, кинул ее в сугроб и поднял глаза. Небо в просвете между домами было высоким и чистым, и он очень удивился, различив среди мелкой звездной икры совок Большой Медведицы — почему-то он был уверен, что тот виден только летом.

ВЕСТИ ИЗ НЕПАЛА

Когда дверь, к которой Любочку прижала невидимая сила, все же раскрылась, оказалось, что троллейбус уже тронулся и теперь надо прыгать прямо в лужу. Любочка прыгнула, и так неудачно, что забрызгала холодной слякотью полу шубы, а уж на сапоги лучше было просто не смотреть. Выбравшись на узкий тротуар, она оказалась между двумя встречными потоками огромных грузовых машин, ревущих и брызжущих смесью грязи с песком и снегом. Светофора здесь не было, потому что не было перехода, и приходилось ждать, когда в сплошной стене высоких кузовов — железных (ободранных, с грубо приваренными для жесткости ребрами) и деревянных (ничего и не скажешь про них, но страшно, страшно) — появится просвет. Грузовики, без конца шедшие мимо, производили такое гнетущее впечатление, что было даже неясно — чья же тупая и жестокая воля организует перемещение этих заляпанных мазутом страшилищ сквозь серый ноябрьский туман, накрывший весь город. Не очень верилось, что этим занимаются люди.

Наконец в сплошной стене кузовов стали появляться просветы. Любочка прижала пакет к груди и деликатно сошла на дорогу, стараясь наступать на черные пятна асфальта среди студенистой грязи. Напротив желтел длинный забор троллейбусного парка с широкими черными воротами — их обычно запирали к восьми тридцати, но сейчас одна створка была открыта и еще можно было прошмыгнуть.

— Куда идешь-то! — крикнула Любочке задорная баба в оранжевой безрукавке, с ломом в руках стоявшая за

воротами. — Не знаешь — опоздавшим вход через проходную! Директор велел.

— Я быстренько, — пробормотала Любочка и попыталась пройти мимо.

— Не пущу тебя, — с улыбкой сказала баба и переместилась в самый центр прохода, — не пущу. Приходи вовремя.

Любочка подняла глаза: баба стояла, прижимая упертый в асфальт лом к боку и сцепив пухлые кисти на животе; большие пальцы ее рук вращались друг вокруг друга, будто она наматывала на них невидимую нить. Улыбалась она так, как советского человека научили в шестидесятые годы — с намеком на то, что все обойдется, — но проход заслоняла всерьез. Справа от нее была будка с фанерным щитом наглядной агитации, где на фоне Евразии обнимались трое — некто под опущенным на лицо черным забралом и со странным оружием в руках, человек с холодным, недобрым взглядом, одетый в белый халат и шапочку, и бог знает как попавшая в эту компанию девушка в полосатом азиатском наряде. Над щитом была прибита фанерная полоса с надписью:

**ВСЯКИЙ ВХОДЯЩИЙ
В ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ!
НЕ ЗАБУДЬ НАДЕТЬ СПЕЦОДЕЖДУ!**

Любочка повернула и пошла к проходной. Для этого надо было обогнуть угол высоченного дома с закрашенными до третьего этажа окнами — там, говорили, помещался какой-то секретный институт, — а потом идти вдоль желтого забора к серой кирпичной постройке, украшенной вывесками с волшебными словами: «УПТМ», «АСУС» и еще что-то черное на коричневом фоне.

Внутри, в ответвлении коридора, возле окошек касс в тяжких облаках дыма хохотали шоферы. Любочка через другую дверь вышла в огромный двор парка, уже пустой и похожий на покинутый аэродром. На всем пространстве между циклопическими зданиями боксов и воротами, через которые Любочка пыталась пройти три минуты назад, не было видно никого, кроме высокого мужчи-

ны в красном фартуке, с большим широкоскулым лицом. Он держал в мускулистых розовых руках щит с надписью «КРЕПИ ДЕМОКРАТИЮ!» и шагал прямо на Любочку, а неопределенное цветное месиво за его спиной, если приглядеться, оказывалось неисчислимой армией тружеников, среди которых было даже несколько негров. Этот плакат, висевший на одном из боксов, создали в малярном цехе еще весной, и Любочка давно привыкла, что он встречает ее каждое утро. Плакат был устроен умно: текст призыва можно было менять, подвешивая на двух крюках новую фанерку, и сначала там были слова: «КРЕПИ ТРУДОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ», потом, в период некоторой политической неясности, — «БЕРЕГИ РАБОЧУЮ ЧЕСТЬ», а сейчас, к празднику, повесили новый призыв, которого Любочка еще не видела.

Она дошла до дверей административного корпуса и поднялась на второй этаж, в техотдел, где уже третий год работала инженером по рационализации.

В коридоре, между Доской почета и стендом с фотографиями побывавших в вытрезвителе сотрудников, висело зеркало, и Любочка остановилась поглядеть на себя.

Она была маленькая, в черной синтетической шубке и спортивной шапочке, на которой были вышиты два красных зубца в синей окантовке. Лицо у нее было чуть обезьянье, испуганное от рождения, и когда она улыбалась, было видно, что она делает это с усилием и как бы выполняя то единственное служебное действие, на которое способна.

Расстегнув шубку (под ней была белая кофточка с широкой черной полосой на груди) и прижавшись к зеркалу, чтобы пропустить двух работяг в ватниках, горячо обсуждавших на ходу какое-то дело (и так махавших при этом руками, что не дай бог кому-нибудь было оказаться на пути огромных растрескавшихся кулаков), она увидела почти вплотную свое припудренное лицо с ясно заметными морщинками у глаз. Двадцать восемь лет — это все-таки двадцать восемь лет, и уже не так легко быть порхающей по коридорам девочкой, подобием живого фикуса,

на котором отдыхают утомленные крупногабаритными железными предметами мужские взгляды.

Она еще раз улыбнулась в зеркало и потянула на себя дверь с табличкой «Техотдел». Ее стол стоял в углу, у истыканной доски кульмана, и сейчас за ним, глядя прямо ей в глаза, сидел директор парка Шушпанов, похожий на сильно растолстевшего Раймонда Паулса. В руке у него был маленький пестрый флажок, вынутый из старинной китайской вазы, где у Любочки стояли ручки и карандаши. Флажок остался с того дня, когда весь техотдел сняли с работы, чтобы встречать какого-то экзотического президента — тогда всем выдали такие и велели махать при появлении машин. Любочка сохранила его на память из-за какого-то особенно оптимистического глянца. Когда она вошла, Шушпанов так крутанул между пальцев ее амулет, что вместо двух треугольников над его рукой возникло размытое красноватое облако.

— Здравствуйте, Любовь Григорьевна! — сказал он в отвлеченно галантной манере. — Задерживаетесь?

Любочка в ответ пролепетала что-то про метро, про троллейбус, но Шушпанов ее перебил:

— Ну я же не говорю — опаздываете. Я говорю — задерживаетесь. Понимаю — дела. Парикмахерская там, галантерея...

Вел он себя так, словно и правда говорил что-то приятное, но больше всего ее напугало то, что к ней обращаются на «вы», по имени-отчеству. Это делало все происходящее крайне двусмысленным, потому что если опаздывала Любочка — это было одно, а если инженер по рационализации Любовь Григорьевна Сухоручко — уже совсем другое.

— Как у вас дела? — спросил Шушпанов.

— Ничего.

— Я про работу говорю. Сколько рацпредложений?

— Нисколько, — ответила Любочка, а потом наморщилась и сказала: — Хотя нет. Приходил Колемасов из жестяного цеха — он там придумал какое-то усовершенствование. К таким большим ножницам — жечь резать. Я еще не оформила.

— Понятно. А в прошлом месяце?

— Было два. Уже выплатили.

— Ага.

Директор положил флажок, соединил возле груди растопыренные пальцы и закатил глаза, шевеля губами и делая вид, что что-то подсчитывает.

— Двадцать рублей. Ну а мы вам сколько платим? — И сам себе ответил: — Сто семьдесят. Итого — сто пятьдесят рублей разницы. Понимаете мою мысль?

Любочка понимала. И не только эту мысль, но и многое другое, чего директор, наверное, вовсе не имел в виду. Ей показалось, что на ней, как лучи прожекторов, скрещиваются взгляды директора, начальника техотдела Шувалова, выглядывающего из маленькой смежной комнаты, превращенной им в кабинет, и всех остальных. И чтобы не стоять неподвижно в самом фокусе садистического интереса трудового коллектива, она повернулась, повесила пакет на вешалку и стала медленно снимать шубу.

— Таким, значит, образом, — сказал директор, — сегодня обойдете все цеха и сообщите мне завтра утром о ваших успехах. Советую, чтобы они были.

Он встал из-за стола, миновал замершую у вешалки Любочку, размашисто и медленно перекрестился на цветную фотографию троллейбуса «ЗиУ-9» в углу и вышел из комнаты.

Ни на кого не глядя, Любочка села на теплый от директорского зада стул (минут десять, наверное, ждал) и полезла в нижний ящик стола. Все в комнате молчали, поглядывая на спрятавшую лицо за тумбой Любочку и стараясь ни в коем случае не показать испытываемого удовольствия, — наоборот, лица сослуживцев изображали неопределенное сострадание пополам с гражданской ответственностью.

— Вот ведь как интересно! — сказал вдруг Марк Иванович Меннинзингер, решив, видимо, нарушить тягостную тишину.

— Что интересно? — спросил Толик Пурыгин, отрываясь от чертежа.

— Мы утром дроссель перетаскивали, чтоб не пылился, — и такая мне мысль в голову пришла...

Марк Иванович замолчал, и Толик, догадавшись, что тот ждет вопроса, задал его:

— Какая мысль, Марк Иванович?

— А такая. Ток ведь не может по воздуху течь, верно?

— Верно.

— А если провод под током разорвать, что будет?

— Искра. Или дуга. Это от индуктивности зависит.

— Вот. Значит, все-таки течет по воздуху.

— Ну и что? — терпеливо спросил Толик.

— А то, что для тока сначала ничего не меняется. Он так и думает, что течет по проводу — ведь в воздухе нет... нет...

— Носителей заряда, — подсказал Толик.

— Да. Именно так. Поэтому когда провод уже порван...

— Во-первых, — сказал Шувалов, выходя из своей комнатки, — ток не думает. Его стихия иная. А во-вторых, при протекании разряда через газ происходит ионизация и появляются заряженные частицы. Я это точно знаю.

Он включил приделанный к стене приемник, отрегулировал громкость и вернулся в свой кабинет. В комнату вошло несколько невидимых балалаечников; они играли в такой манере, что если перед этим у кого-то из сидящих в техотделе и были сомнения насчет существования глубоких и истинно народных произведений для оркестра балалаек, то они сразу же исчезли.

Между тем у Любочки появилась уверенность, что она контролирует мускулы своего лица. Несколько раз улыбнувшись за тумбой стола, она подняла голову, огляделась, придвинула к себе папку для заявок и принялась изучать предложенное новшество.

«...Заключается в том, что штанга металлорежущих ножниц комплектуется набором сменных грузов, что позволяет в результате несложной операции регулировать величину удельного момента, прикладываемого...»

СОДЕРЖАНИЕ

СПИ

Колдун Игнат и люди	7
Спи	10
Вести из Непала	29
Девятый сон Веры Павловны	49
Синий фонарь	71
СССР Тайшоу Чжуань	83
Мардонги	98
Жизнь и приключения сарая Номер XII	104

МИТТЕЛЬШПИЛЬ

Онтология детства	117
Встроенный напоминатель	128
Водонапорная башня	132
Миттельшпиль	142
Ухряб	173

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

Музыка со столба	187
Откровение Крегера (<i>комплект документации</i>)	203
Оружие возмездия	211
Реконструктор (<i>Об исследованиях П. Стецюка</i>)	223
Хрустальный мир	230

НИКА

Происхождение видов	257
Бубен Верхнего Мира	271
Иван Кублаханов	287

Бубен Нижнего Мира (Зеленая коробочка)	298
Тарзанка	304
Ника	322

ГРЕЧЕСКИЙ ВАРИАНТ

Зигмунд в кафе	339
Краткая история пейнтбола в Москве	346
Греческий вариант	363
Папахи на башнях	374
Нижняя тундра	389
Святочный киберпанк, или Рождественская Ночь-117.DIR	410
Time Out, или Вечерняя Москва	424

ФОКУС-ГРУППА

Свет горизонта	435
Фокус-группа	460
Запись о поиске ветра	488
Гость на празднике Бон	501
Акико	514
Один вог	527
Who by Fire	529